

Примечания

Современное написание — Прямухино — утвердилось сравнительно недавно. Ранее название имения и села писалось через «е» — Премухино. Такое написание фигурирует во всех письмах и документах М. А. Бакунина.

2 Поэма была опубликована в 1994 году в журнале «Наше наследие» (№ 29-30); затем вошла в Собрание стихотворений А. М. Бакунина (Тверь, 2001).

3 Эта аллея существует и по сей день. Правда, в XX веке засохло, а затем и совсем рухнуло дерево, посаженное в честь Михаила...

4 После смерти А. М. Бакунина усадьба Прямухино еще долго процветала. Однако после революционных событий 1917 года произошла подлинная трагедия. Во время Гражданской войны усадьба Бакуниных была разграблена. Кровлю растащили окрестные жители для собственных хозяйственных нужд. Дом стал быстро разрушаться и вскоре пришел в негодность. Его центральная деревянная часть и один из флигелей тогда же сгорели. На сохранившемся фундаменте построили школу, которая впоследствии тоже сгорела. В итоге к концу 70-х годов XX века от жемчужины русской усадебной культуры остались одни руины. Не лучшая судьба постигла Троицкую церковь и находившийся при ней некрополь семьи Бакуниных. В годы Гражданской войны могилы и усыпальница А. М. Бакунина были разорены и разграблены, прах и останки трех поколений бакунинского рода смешали с землей — мародеры из числа местных жителей искали в дворянских захоронениях золото и другие ценности. Сама церковь была закрыта в 1937 году, в ее верхней части разместился клуб, а в нижней — молокозавод. С 1990 года началось постепенное возрождение усадебно-паркового комплекса. Еще раньше была отреставрирована церковь; весной 1991 года она была заново освящена и там стали проходить службы. В 1999 году для помощи в возрождении усадьбы был создан Бакунинский фонд. К 2005 году удалось более-менее привести в порядок уникальный прямухинский парк, расчистить родники и некоторые из прудов, начать восстановление левого каменного флигеля бакунинского дома с сохранившимися дорическими колоннами. Каждое лето на родину «отца анархии» съезжаются молодые российские анархисты, чтобы поучаствовать в возрождении парка и усадьбы. В конце XX века в Прямухине в здании школы усилиями энтузиастов был открыт музей Бакуниных. Здесь представлены подлинные вещи и чудом сохранившаяся мебель, редкие фотографии и книги.

5 Самый ранний из них — незавершенный — он подарил в 1838 году сестрам Беер с надписью «Как я не dokonчен, так и портрет мой не окончен». На листке, что держит в руках молодой философ, легко прочтываются по-немецки знаменитые слова Фауста: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Девиз, вполне достойный всей жизни Михаила Бакунина!

6 Без чего нет, непременный (лат.).

7 Охладевшим друг к другу друзьям суждено было встретиться еще раз спустя семь лет, в июле 1847 года, в Париже, куда ненадолго приехал Белинский после лечения в Германии. Их кратковременный контакт (теперь уже действительно последний) и холодное рукопожатие носили чисто формальный характер.

8 Главный программный памфлет Бруно Бауэра, фактически первый манифест младогегельянцев, назывался «Трубный глас страшного суда над Гегелем».

9 Общеизвестен исторический анекдот: осенью 1827 года Гегель ненадолго приехал в Париж, где должен был выступить с лекцией. К нему обратились с просьбой: «Нельзя ли, чтобы господин профессор изложил свое учение вкратце, популярно и по-французски?» На что великий философ спокойно ответил: «Мою систему нельзя изложить ни вкратце, ни популярно, ни по-французски».

10 В годы первой русской революции Блок писал стихи, под которыми, вне всякого сомнения, мог бы подписаться Бакунин и даже Нечаев. Вот, к примеру, почти никогда и никем не цитируемое четверостишие (см.: Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 333):

И мы поднимем их на вилы, Мы в петлях раскачем тела, Чтоб лопнули на шее жилы, Чтоб кровь проклятая текла. Анархический настрой сопровождал Блока до конца жизни. Отблеск бакунинских идей виден даже в блоковском постреволюционном шедевре «Двенадцать» с их зловещим призывом: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем...» Да и весь бунтарский пафос гениальной поэмы свидетельствует о том же самом.

11 Чтобы отбросить этот варварский народ в пустыни Азии (фр.).

12 Август Рекель (1814–1876) — друг и коллега Вагнера, композитор и дирижер, заведующий музыкальной частью Дрезденской оперы. Одновременно — видный деятель революционно-демократического движения. За опубликование «Открытого письма к солдатам», в котором он призывал к неповиновению властям и переходу на сторону революции, был арестован. Бакунин считал его одним из выдающихся вождей демократической партии, и, когда вспыхнуло Дрезденское восстание, направил его в Прагу к своим друзьям — чешским патриотам — с тем, чтобы ожидаемую славянскую революцию объединить с немецким демократическим движением. После разгрома Дрезденского восстания Рекель вместе с Бакуниным и председателем Временного правительства Гейбнером был приговорен к расстрелу, замененному пожизненным заключением. Вот что написал он в своих мемуарах о русском «демоне революции»: «Я познакомился с Бакуниным несколькими месяцами раньше, когда он из Лейпцига тайком прибыл в Дрезден и несколько дней скрывался у меня. Как человеку редкой силы духа и твердости характера, соединенных с импонирующей внешностью и увлекательным красноречием, ему везде легко удавалось поднимать настроение молодежи до энтузиазма и увлекать за собою даже более зрелых людей, тем более что его воззрения, свободные от национальной ограниченности, проникнуты были благороднейшим и широчайшим гуманизмом. Но именно его пылкая

фантазия в соединении с бессознательным честолюбием богато одаренной натуры, чувствовавшей себя призванною к тому, чтобы руководить и повелевать, часто толкала его к самообману насчет действительного положения вещей. Его ближайшим стремлением было объединение славянской и немецкой демократии против русского царизма, тогдашней главной опоры абсолютизма; а его многочисленные личные связи с единомышленниками во всех областях Австрии, равно как в Польше и России, заставляли его считать достижение этой цели гораздо более близким, чем оно является и по сей день».

13 Готовясь к своей защите перед саксонским судом, Бакунин конкретизировал свой ответ: «Я — русский и сердечно люблю мое отечество, но вольность я люблю еще более, а любя вольность и ненавидя деспотизм, я ненавижу русское правительство, которое считаю злейшим врагом свободы, благосостояния и чести России».

14 Привожу характерный образчик одного из типичного обращения Михаила к Татьяне из общего письма, написанного спустя почти восемь месяцев после заключения в Петропавловскую крепость, после того как Бакунину было разрешено изредка писать домой: «Теперь обращаюсь к тебе, моя Татьяна. Если б я хотел высказать все, что я к тебе чувствую, все, что я о тебе думаю, как я люблю тебя, то я никогда не кончил бы, а потому лучше и не стану начинать; ты ведь и без слов поверишь и почувствуешь. Ты больше, чем все другие, — моя, моя крепостная девочка или, лучше сказать, старушка; мученица за всех и лучшая из всех; ты так же, как и я, живешь не своею жизнью, с тою только разницею, что жизнь твоя не ограничивается чувствами, а есть непрерывное, живое, благодетельное дело самой святой и горячей любви».

В свою очередь, письма Татьяны к Мишелю, когда тот еще находился на свободе, переполнены неземным восторгом, доходящим до обожествления: «Когда я слушаю тебя и гляжу на святое вдохновенное выражение твоего лица, мне делается так легко, так свободно и светло, как будто бы через тебя открывается мне воля самого Бога. <...> Я чувствую себя такой счастливой в эту минуту. Божественная гармония распространилась во всем моем существе. Мое сердце так полно пламенной любви к этому Богу, которого ты учишь нас постигать, к тебе, ко всем моим друзьям, наконец, ко всем созданиям... <...>»

15 Александр Михайлович скончался, так и не встретившись со старшим сыном, 6 декабря 1854 года.

16 Незабвенная муза Пушкина А. П. Керн находилась с Бакуниными в двойном, хотя и дальнем, родстве. Во-первых, урожденная Полторацкая, она приходилась племянницей Павлу Марковичу Полторацкому — отчиму Варвары Александровны Бакуниной. Во-вторых, вторым мужем (младшим ее на двадцать лет) стал А. В. Марков-Виноградский, фамилию которого, она, естественно, приняла. На сестре Маркова-Виноградского — Елизавете — был женат брат Михаила Бакунина — Александр. А. П. Керн часто бывала в Прямухине, вместе со всей бакунинской родней переживала за судьбу Михаила, заточенного в Шлиссельбургской крепости, знала все подробности хлопот о смягчении его участи. В Прямухине скоропостижно скончался от рака муж А. П. Керн — А. В. Марков-Виноградский и был похоронен в прямухинском некрополе рядом с Троицкой церковью. Сюда же по оставленному завещанию должны были доставить и гроб с телом А. П. Керн, но весенний

разлив реки Тверцы помешал выполнить последнюю волю Анны Петровны. (В настоящее время ее могила — место паломничества молодоженов — находится близ автомобильной трассы на Торжок.)

17 В декабре 1854 года Е. М. Бакунина возглавила отряд сестер милосердия, прибывший в осажденный Севастополь и поступивший в непосредственное распоряжение Н. И. Пирогова. Е. М. Бакунина проработала на самом тяжелом участке — главном перевязочном пункте, сутками не отходила от операционного стола и ассистировала до пятидесяти операций подряд.

18 Это стало возможным, так как ее сестра Екатерина была замужем за комендантом Петропавловской крепости И. А. Набоковым. Всего же у отца Ивана, Елизаветы и Екатерины Пуциных было двенадцать детей.

19 Потанин добился своего, поступил в Петербургский университет, возглавил в нем сибирское землячество, но вскоре был арестован за участие в студенческих волнениях. В 1865 году он вернулся в Томск, где стал секретарем губернского статистического комитета и руководителем «Томских губернских ведомостей». За участие в движении так называемого «сибирского областничества», ставившего своей целью автономию Сибири, был приговорен к пяти годам каторги. После ее отбытия амнистирован по ходатайству Русского географического общества и совершил несколько путешествий в Центральную Азию и Монголию. Обширное географическое, этнографическое, фольклорное, эпистолярное и общественно-политическое наследие Потанина не потеряло актуальности по сей день, а в некоторых аспектах намного опередило время и еще ждет своего часа.

20 В феврале 1862 года Бакунин писал П. П. Лялину из Лондона: «Я прожил в Томске вторую молодость свою, свое возрождение после 8-летней крепостной смерти».

21 Завалишин не являлся декабристом в полном смысле этого слова. Он не состоял ни в одном из тайных обществ, на Сенатскую площадь не выходил, не принимал участия в составлении и обсуждении основополагающих документов — главным образом потому, что, будучи морским офицером, находился в кругосветном плавании с экспедицией Крузенштерна и Лисянского. Но он сочувствовал республиканским идеям, знал о существовании движения, работал над собственной программой переустройства общественной жизни и был приговорен к «вечной каторге», так сказать, за крамольный образ мыслей и за недонесение о существовании заговора. В Сибири проявил исключительно неуживчивый характер, о чем Бакунина предупреждали все без исключения декабристы.

22 В последние годы жизни Михаила Александровича Бакунина Наталья Семеновна стала одним из самых близких и доверенных ему лиц. Она состояла с ним в постоянной деловой и просто дружеской переписке. Вместе с мужем Павлом Александровичем навещала его в Италии, и, будучи незаурядной художницей, оставила множество рисунков и набросков, связанных как с заграничной жизнью М. А. Бакунина, так и с повседневным житием Бакуниных в Прямухине и других местах. Привела в порядок огромный прямухинский архив и «Прямухинскую летопись», где по годам, месяцам и дням было расписано повседневное

жизнь-бытие всех обитателей родового имения, начиная со дня его покупки 8 апреля 1779 года.

23 В конечном счете чисто гуманитарная миссия одного из популярнейших русских писателей была «по достоинству оценена» и царскими властями: его привлекли к следствию по делу о «лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», и в марте 1863 года он был вызван для дачи показаний в сенатскую следственную комиссию. Участь Чернышевского ему, конечно, не грозила, но отношения его с официальными структурами изрядно подпортились.

24 Вот его характеристика, данная Бакуниным в письме к невестке Наталье: «Он золотой человек — весь душа и весь преданность. <...> Берет не умом, а сердцем, хотя, пожалуй, как истый армянин, и очень хитер, когда надо».

25 Спустя два месяца, учтя прошлые неудачи, поляки попытались вновь реализовать свой замысел. На сей раз действовали с соблюдением всей необходимой конспирации. Пароход с волонтерами на борту покинул берега Швеции, якобы направляясь в Англию. Но в Копенгагене под покровом ночи людей пересадили на шхуну, груженную оружием и боеприпасами, которая взяла курс на восток. Высадка началась, как только экспедиция достигла намеченной точки. Море бурлило, а спущенная на воду шлюпка с людьми дала течь и затонула вдали от берега. Вторая шлюпка перевернулась от порыва ветра. Из 32 человек 24 погибли.

26 Елизавета Васильевна Салиас, урожденная Сухово-Кобылина (1815–1892) — родная сестра прославленного драматурга, возлюбленная Н. П. Огарева, познакомившего с ней Бакунина; писательница, публиковавшая свои произведения под псевдонимом Евгения Тур. Была замужем за французским графом Андре Салиас-де-Турнемир, с которым вскоре разошлась; мать русского романиста графа Е. А. Салиаса.

27 У Бакунина был давний счет к русскому чиновничеству. Еще в годы первой эмиграции в работе «Русские дела» он писал: «Только закоренелый немецкий бюрократ, никогда не выходивший за порог своей канцелярии, никогда не заглядывавший ни в какие другие книги кроме своих реестров и таблиц, мог быть повергнут в глубокое изумление чудесным, столь крепко спаянным организмом русского чиновничества. Сведущий критик должен как раз в этом усмотреть наиболее опасное и наиболее разрушительное место всей системы. Как ни богат относящийся сюда материал, если бы мы пожелали осветить его примерами, но мы хотим быть сейчас краткими и сказать, что, начиная с верхушки этой пирамиды и вплоть до ее основания, все чиновники крадут самым циническим образом. Это является настолько общим правилом, это считается настолько тесно связанным со службою, что начальник в крайнем случае попрекнет своего подчиненного разве тем, что тот не по чину берет. Это разложение составляет необходимое следствие нищенских окладов, получаемых бедною по своему происхождению массою чиновников, также и того безобразного положения, что никаких моральных понятий о долге в принципе для них совершенно не существует да и не может существовать ввиду безусловного послушания и полнейшей несамостоятельности, которые требуются от каждого хорошего русского чиновника в качестве его первой и единственной обязанности. Обман настолько здесь укоренился, что чиновник, имеющий

идеальное представление о своих обязанностях, рассматривается остальными как враг, который или бывает вынужден действовать так же, как и они, или же подвергается утонченнейшим издевательствам и ужасающим преследованиям. Честный человек среди воров должен погибнуть. Ни о чем не подозревая, он или будет сделан соучастником преступления с помощью подлога в документах, или же объявлен политически неблагонадежным, и горе ему, если в обоих случаях у него не найдется покровителя при дворе! Он должен уйти, “он — якобинец, он не хочет брать взятки!” — говорят о нем, и высшее начальство в своих собственных интересах помогает отделаться от чудака, позволившего себе иметь иное понятие о государственной службе. Видимость — вот все, что требуется в России от хорошего чиновника; видимость приносит повышение в чине, ордена и деньги, существо же ведет в Сибирь. В результате всего этого, несмотря на столь искусно скомпонованный механизм, в чиновном мире царит величайшая дезорганизация. Нет ни одного сенатора, ни одного министра, ни одного начальника департамента в Петербурге и провинции, которые не крали бы. Даже жены чиновников используют эту привилегию своих мужей. Супруга министра полиции Бенкендорфа привозила целые пароходы контрабанды в Кронштадтский порт и содержала через посредство своих крепостных служанок большие торговые склады. <...> Таким образом, русский чиновный мир оказывается неисправимым, он угнетает народ, парализует даже хорошие, благодетельные предначертания царя или совершенно их игнорирует и этим ведет его к падению». Это написано в середине XIX века, но с тех пор мало что изменилось; разве что царя больше нет да мздоимство стало более изощренным, но российские чиновники все так же чувствуют себя хозяевами жизни.

28 Вот одно из характерных высказываний Бакунина по данному поводу из письма Альберу Ришару от 1 апреля 1870 года, которое обычно расценивается как антисемитское: «Либкнехт... <...> опубликовал против нас статью одновременно глупую и подлую, написанную пройдохой, которого зовут Боркгейм, маленьким евреем, орудием Маркса. Заметь, что все эти наши враги, все эти шавки — евреи: Маркс, Тесс, Боркгейм, Либкнехт, Якоби, Вейсс, Кон, Утин и мн[огие] другие — евреи. Все они принадлежат к этой предприимчивой, интриганской, эксплуататорской и буржуазной нации — по традиции и по инстинкту. Маркс, самый достойный среди них, обладает большим интеллектом, но в то же время следует признать, что он совершенно неуживчивый человек, отвратительный характер, тщеславный, раздражительный, завистливый, подозрительный, скрытный, вероломный, способный на все и интриган донельзя, как, впрочем, все евреи. Я начал серию писем в ответ всем этим еврейским и немецким шавкам. Я хочу покончить с ними...» Резко? Безусловно! Впрочем, мало чем отличается от русофобских заявлений Маркса типа: «Ни одному русскому я не верю...»

29 Более того, Кропоткин принадлежал к княжескому роду Рюриковичей. В данной связи нельзя не отметить тяги дворянской элиты к анархизму (вопреки бытующему мнению о нем как идеологии люмпенизированного населения и деклассированных слоев общества). Лев Толстой, которого еще при жизни отнесли к разряду религиозных анархистов (за что, собственно, он был отлучен от церкви), как хорошо известно, был графом. Крупнейший русский мыслитель XX века Николай Бердяев, также принадлежавший к старинному аристократическому роду, указывал в своих философских мемуарах «Самопознание» на присущий ему от рождения «природный анархизм», склонность к бунтарству и отвращение

ко всякому государству и любой форме власти. Что касается деклассированных элементов, то в описываемый период среди приверженцев Бакунина представителей рабочего класса было ничуть не меньше, чем среди последователей Маркса.

30 В настоящее время в виде нескольких обособленных организаций существует еще и Четвертый (Троцкистский) интернационал, учрежденный в 1938 году в Париже.

31 Дополнительную характеристику Утину Бакунин дает в письме Альберу Ришару: «Это мелкий честолюбец худшего сорта. <...> Ума у него нет, он не способен сформулировать ни одной мысли, но он не лишен известного интриганского искусства, он льстив, пронырлив и неутомим в интриге».

32 «Франция, — писал он, — эта великая нация, которую ощущение своего действительного исторического величия часто толкало на безрассудные и преступные безумства, но которая, несмотря на эти временные уклонения и на эти злополучные увлечения самонадеянной силы, до сих пор всем миром справедливо признавалась естественным вождем и благородным инициатором всего человеческого прогресса и всех завоеваний свободы; эта Франция, вся история которой в 1789–1793 годах была не чем иным, как энергичским протестом и непрерывной борьбой света с мраком, человеческого права с ложью, божественного права и юридического права, демократическо-социальной всемирной республики с тиранической коалицией королей и эксплуатирующих и привилегированных классов; эта Франция, с которой еще и ныне связаны все надежды угнетенных наций и поработанных народов, гибнет на наших глазах». И еще: «Мир настолько привык следовать инициативе Франции, видеть ее всегда смело идущей впереди, что и теперь, когда она, раздавленная бесчисленными армиями и преданная всеми своими официальными властями, равно как явной немощью и глупостью всех своих буржуазных республиканцев, весь мир, все нации Европы, изумленные, встревоженные, подавленные ее видимым упадком, все еще ждут от нее своего спасения. Они ждут от нее сигнала к освобождению, лозунга, примера. Все взоры обращены... на Париж, Лион, Марсель. Революционеры всей Европы тронутся не прежде, чем тронется Франция. <...> Таково еще и в настоящее время, несмотря на все ее несчастья, а, может быть, именно благодаря этим ужасным несчастьям, впрочем, вполне заслуженным, — таково еще и теперь и даже в большей степени, чем когда-либо, великое положение революционной Франции. От смелого водружения и от успеха ее знамени мир ждет своего спасения». «Если Франция будет побеждена, — неоднократно повторял Бакунин в эти дни, — то перспективы революции в Европе будут отодвинуты минимум на полвека». Он ошибся не намного — Октябрьская революция в России свершилась спустя сорок четыре года после капитуляции Франции и гибели Парижской коммуны.

33 Кстати, черные флаги, ставшие впоследствии символом анархистов, впервые появились именно в Лионе. В 1831 году восставшие лионские ткачи вышли на улицы города под черными знаменами и провозгласили знаменитый лозунг: «Жить работая или умереть сражаясь!»

34 В целом же к управлению при помощи декретов Бакунин относился отрицательно. Известно его недвусмысленное высказывание на сей счет: «Я решительный враг революции путем декретов, которая есть следствие и применение идеи революционного государства,

— т. е. реакции, скрывающейся за внешним обликом революции. Системе революционных декретов я противопоставляю систему революционных дел, единственно действительную, последовательную и верную. Авторитарная система декретов, желая навязать свободу и равенство, разрушает их. Анархическая система действий вызывает и создает их неминуемо, вне всякого вмешательства какой-нибудь официальной или авторитарной силы».

35 Справедливости ради стоит отметить, что в глазах окружающих (особенно временных знакомцев) Герцен проигрывал в сравнении с Бакуниным. На сей счет сохранилось свидетельство Николая Ге, в одно и то же время писавшего портреты и Герцена, и Бакунина. Затем тайно (записав другими изображениями) ему удалось провезти их в Россию. Во Флоренции, где происходили сеансы, в то время сложилось обширное землячество русских художников (в основном молодежи). Все они так или иначе стремились к знакомству и общению со своими знаменитыми соотечественниками. Но Герцен практически не шел на контакт, а в случае непредвиденного общения вел себя с незнакомыми людьми замкнуто и настороженно. Напротив, Бакунин моментально становился душой любой компании: его рокошущий бас и заразительный смех располагали к себе и зрелых людей, и молодежь. Кроме того, многие мемуаристы обратили внимание и на такую бакунинскую черту: сам постоянно нуждавшийся и неделями (а то и месяцами) сидевший без денег, он готов был отдать последнюю копейку такому же нуждающемуся, как он, или не задумываясь прийти на помощь оказавшемуся в затруднительном положении соотечественнику.

36 Эта работа осталась незавершенной. Планировалась еще вторая ее часть, а к первой были сделаны два прибавления.

37 Федералистские увлечения Бакунина подчас доходили до абсурда. Например, он неоднократно высказывал мысль, что для установления подлинно федеративного устройства в России нужно сначала раздробить ее на части, предоставив автономию не только ее национальным окраинам — Польше, Финляндии, Закавказью, Бессарабии, но также Украине и даже Сибири. Лишь после этого можно говорить о федеративном объединении, которое следует начать с создания «Великой вольной федерации Всеславянской», включающей не только великороссов, малороссов и белорусов, но и другие славянские народы, освободившиеся от немецкого, австрийского и османского господства.

38 Синергетика (от гр. synergos — «совместно действующий») — направление в науке, занимающееся изучением связей между элементами (подсистемами) структуры в сложных открытых (то есть обменивающихся веществом и энергией с внешним миром) системах и самоорганизации в них.

39 Сама по себе эта мысль не нова: согласно классическому варианту древнегреческой теогонии и космогонии, исходным началом в мире выступает первозданный и неупорядоченный Хаос, он-то и превращается в упорядоченный Космос. В этом случае Хаос (вселенский анархический беспорядок) также оказывается первичным по отношению к Космосу (упорядоченному миру людей и вещей). Отсюда уже (при переводе архаической теогонической схемы на язык современных понятий), собственно, и получается: Хаос

(Анархия) — это Мать (и одновременно Отец) Космоса (Порядка), или (если совсем кратко): анархия — мать порядка. Аналогичные представления присущи также другим индоевропейским и неиндоевропейским мифологиям и мировоззрениям.

40 Вот отрывок из одного письма, написанного скрывавшимся в горной деревне Нечаевым 27 мая 1870 года: «Из головы не выходите вы: что-то думает она теперь? Что у ней в голове? Что будет отвечать? Припоминаю все наши разговоры и чем более вдумываюсь в них, тем более и более недоволен собой. Да, я был слишком крут, слишком резок с вами; я именно запугал вас, никогда не встречавшую ничего подобного. Вас многое удивляло во мне, многое возмущало. Вы слишком нежное и молодое растение, еще только начинающее распускаться. Надо было бережно обходиться с вами, а я поступал с открытой искренностью, с несдерживаемой прямоотой. Вы так привыкли к салонной искусственности, к светской натянутости отношений, что вас, на первых порах, отталкивало от меня только потому, что я заходил за пределы приличий (которые и вы сами в теории признаете глупыми).

Но теперь, кажется, вы привыкли ко мне, вы уже менее стесняетесь свободной речью и не оскорбляетесь проявлениями глубокой, разумной привязанности. Вы понимаете сущность вопроса, имеющего такую громадную важность для меня и для вас. Вы находитесь накануне разрешения жизненной задачи. И я верю теперь, больше чем когда-либо, что вы не останетесь в спячке, не останетесь в детской зависимости, а выступите на свободную, разумную жизнь. Я верю в истину своих убеждений, верю в то, что они возьмут верх. Уверенность в вас у меня так глубока, что я не колебался даже в те минуты, когда вы (от непониманий и необдуманности или под влиянием окружающего), казалось, ненавидели меня, когда вы готовы были оторваться от меня.

Повторяю, я был бы слишком слаб, слишком бесхарактерен, если б сомневался в возможности для вас выхода из вашего зависимого положения, из бесцельного жизненного прозябания. Не думаю, чтоб нужно было пояснять мои желания, мои стремления видеть вас настоящей женщиной. Причина страстной неотступности для вас ясна. Я вас люблю...» (выделено мной. — В. Д.). Между прочим, перед тем как перебраться в удаленный горный район, откуда он слал свои письма, Нечаев около недели скрывался в пансионе, где проживали Тата и ее мачеха Н. А. Тучкова-Огарева: видя безвыходное положение Сергея, они предоставили ему одну из занимаемых комнат.

41 Свое потрясение и разочарование Бакунин выразил в письме к Нечаеву: «Я не могу вам выразить, мой милый друг, как мне было тяжело за вас и за самого себя. Я не мог более сомневаться в истине слов Лопатина. Значит, вы нам систематически лгали. Значит, все ваше дело проникло протухшей ложью, было основано на песке. Значит, ваш комитет — это вы, вы, по крайней мере, на три четверти, с хвостом, состоящим из двух, трех-четырех человек, вам подчиненных или действующих, по крайней мере, под вашим преобладающим влиянием. Значит, все дело, которому вы так всецело отдали свою жизнь, лопнуло, рассеялось, как дым, вследствие ложного глупого направления, вследствие вашей иезуитской системы, развратившей вас самих и еще больше ваших друзей. Я вас глубоко любил и до сих пор люблю, Нечаев, я крепко, слишком крепко в вас верил, и видеть вас в таком положении, в таком унижении перед говоруном Лопатиным было для меня

